

Содержание

Нас постигает несчастье 6	Игры со смертью 40
Мы проданы 8	Меня поднимают в небеса 44
Я прощаюсь с Аполлоном 10	Тайком в театр 46
Снова в школу 12	На пиру 48
В термах Нерона 14	Катастрофа 52
Поручение 18	Свобода 54
Римский солдат 20	Мир Илионы 56
Мы идем на триумф! 22	Где находился Древний Рим? 56
Я в Сенате 26	Кто есть кто? 57
Мы остаемся без воды 28	Армия 58
Мы уезжаем на ферму 30	Спорт и игры 59
Я нахожу брата 32	Религия 59
Тайны фермы 34	Изобретения 60
Пожар! 36	Даты из истории Древнего Рима... 61
В центре мира 38	Глоссарий и указатель 62

Кратин

Цестий

Цитерия

Привратник

Надсмотрщик

НОВЫЙ ДНЕВНИК О НОВОЙ ЖИЗНИ В ЕГИПТЕ ТРЕТИЙ ГОД 221 ОЛИМПИАДЫ

Я начинаю этот дневник, но перо не поспевает за мыслями. Я узнала, что наша жизнь вот-вот изменится: послезавтра мы уплываем в Египет. На галере!

Мы уезжаем неожиданно, потому что отец получил плохие новости: его склад в Египте сгорел дотла. Он должен немедленно отправиться туда, чтобы наблюдать за постройкой нового. Мы с матерью и братом (его зовут Аполлон) едем вместе с ним и будем жить в городе Александрии по меньшей мере два года.

Я в восторге. Я никогда не бывала за пределами Лесбоса, нашего греческого острова. Здесь, в Митилене, мы живем в большом красивом доме. Но в Египте наш дом будет еще больше. Все будет

по-другому. Вот почему я начинаю этот дневник — чтобы каждый день записывать, что происходит, пока впечатления еще свежи.

Мама подарила мне набор для письма: пучок отличных гусиных перьев, перевязанный пурпурной лентой, перочинный ножик, чернильницу-непроливайку и сверток самого лучшего папируса, гладкого, как кожа на спине Аполлона.

Всего два дня, и мы взойдем на борт корабля здесь, в Митилене, и под парусом отправимся через Эгейское море. Я встану на носу, распушу волосы, и пусть соленый ветер их треплет! Всего через неделю мы будем в Александрии.

Поскорее бы начались приключения...

ИЛИОНА

Нас постигает несчастье

Наше путешествие.

День первый

Сегодня утром, еще до рассвета, мы ступили на борт корабля. Взошло солнце, и гребцы дружно ударили веслами о воду. Я много раз видела, как галеры покидают гавань. Как грациозно они скользили по голубой глади моря! С палубы все выглядит совсем иначе: сотня людей на веслах напрягает каждый мускул, чтобы корабль двигался вперед.

Но сегодня утром гребцам пришлось трудиться недолго. Ветер дул в сторону моря, и, как только поставили парус, они смогли отдохнуть. Я стояла на носу вместе с Аполлоном, точь-в-точь как мечтала. Но ветер не играл с моими кудрями, а так их запутал, что пришлось потом целый час их расчесывать.

День пятый

Горе нам! Мы с Аполлоном потеряли все, что имели, все, что так нежно любили. Теперь мы — сироты. Мы — рабы, и нас можно продавать и покупать, как скот.

Мы были всего в полудневном переходе от острова Родос, когда на горизонте показался парус. По форме корабля и тому, как он рыскал по морю, команда сразу поняла, что это пираты.

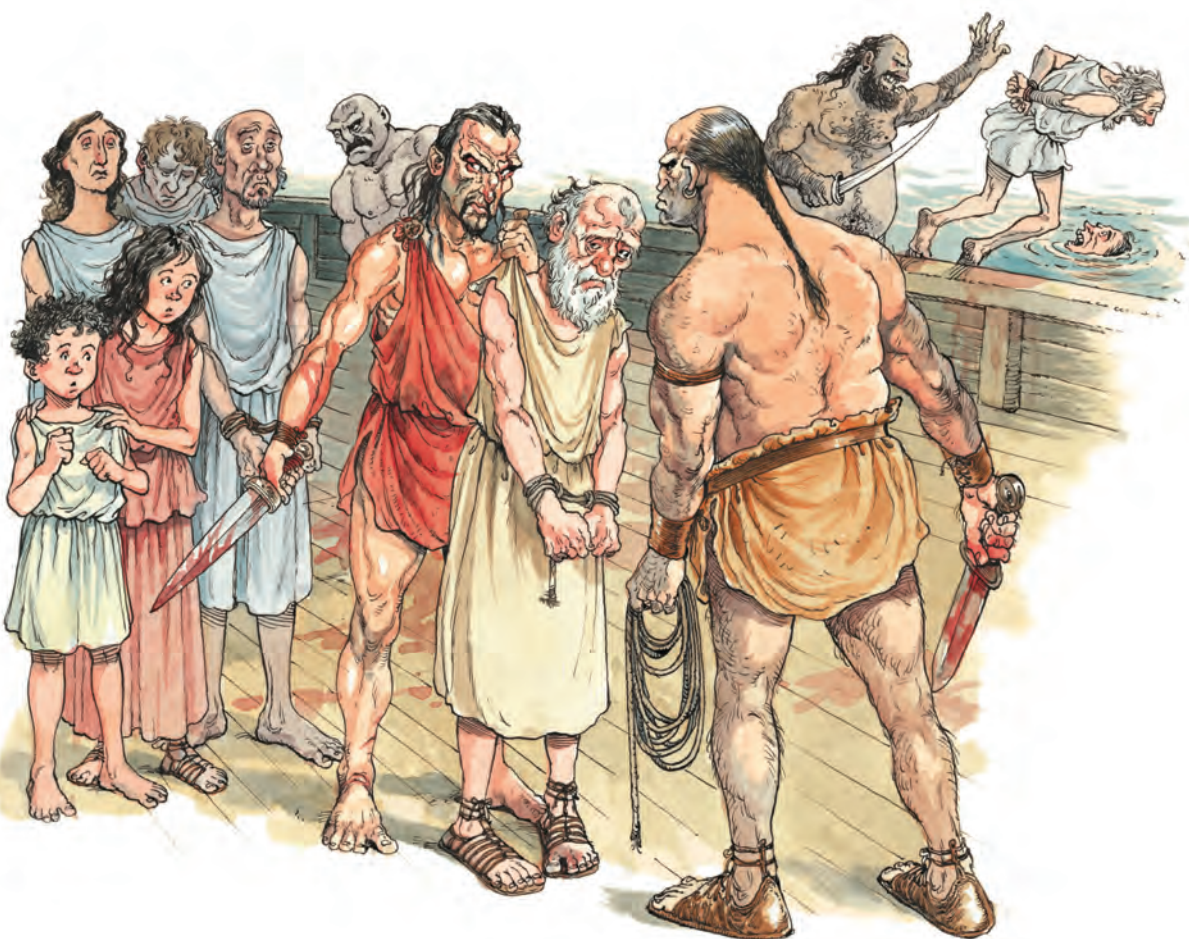
Гребцы налегли на весла, но, как они ни старались, зловещая тень становилась все ближе.

Пираты атаковали нас. В схватке нашу матушку выбросили за борт, и она утонула, а отца насквозь проткнул мечом один из разбойников. Я горько плакала, но ничем не могла им помочь. Пиратов не интересовали бочки с вином. Им нужны были только рабы, «живой груз», как они нас называли. У нас с Аполлоном отобрали все вещи, но разрешили мне оставить при себе папирус, чернила и перья. Говорят, что за грамотных рабов дают лучшую цену.

Наше путешествие в Египет окончено. Начинается новое, к самому центру мира: в Рим.

*Пираты живо нас рассортировали:
стариков, больных и увечных
скормили рыбам*

Таран пиратского корабля
разломал ограждение палубы

Третий день в Риме

Мы вошли в этот огромный незнакомый город два дня назад. Наш путь оказался извилист, мы прыгали с места на место, как лягушки. По дороге нас трижды перепродавали.

На каждом невольничьем аукционе мы с Аполлоном держались вместе — только бы нас не разлучили! Хвала Зевсу: этого не случилось, а в нашей партии несчастных становилось все больше детей. С каждым аукционом цена наша растет (я дороже, чем Аполлон, потому что хорошо говорю на латыни и даже могу читать, а он еле-еле пишет по-гречески). В конце концов мы оказались на вонючей барже в порту Остия. Думаю, раньше на ней перевозили гнилую рыбу.

Нас загнали в какие-то мрачные, тесные бараки. Нам было что есть: хлеб, масло и оливки, но какие же мы были грязные после всех этих переездов! В волосах моих копошились насекомые, нарядная одежда превратилась в лохмотья, а глаза покраснели и распухли от слез.

Сегодня в барак, где мы сидели, запертые с остальными детьми, пришли две женщины. Они принесли воду и масло для омовения. Потом они вычесали вшей и выдали нам новую одежду. Я радовалась, пока один из ребят не рявкнул: «Идиотка! Ты что, не видишь: нас готовят на продажу!»

**По дороге в Рим
мы шли пешком (долго)...**

**...плыли на корабле
(тоже долго)...**

...ехали в повозке (дважды)...

...и верхом на ослах (один раз)

Четвертый день в Риме

Женщины вернулись наутро. Каждому из нас на шею повесили дощечку с надписью. На моей стояло «Греческая девица». Ноги нам выбелили мелом. Это, как мне сказали, означает, что нас обратили в рабство совсем недавно, и, возможно, с такими новичками придется повозиться.

«Греки на продажу!» — кричали торговцы, выталкивая меня вместе с Аполлоном на помост, напоказ толпе.

Торги были недолгими. Нас приобрел высокий человек; больше он никого не купил. Он протолкался к нам сквозь толпу, и я вздохнула с облегчением: нас купили вместе. Но как было не волноваться

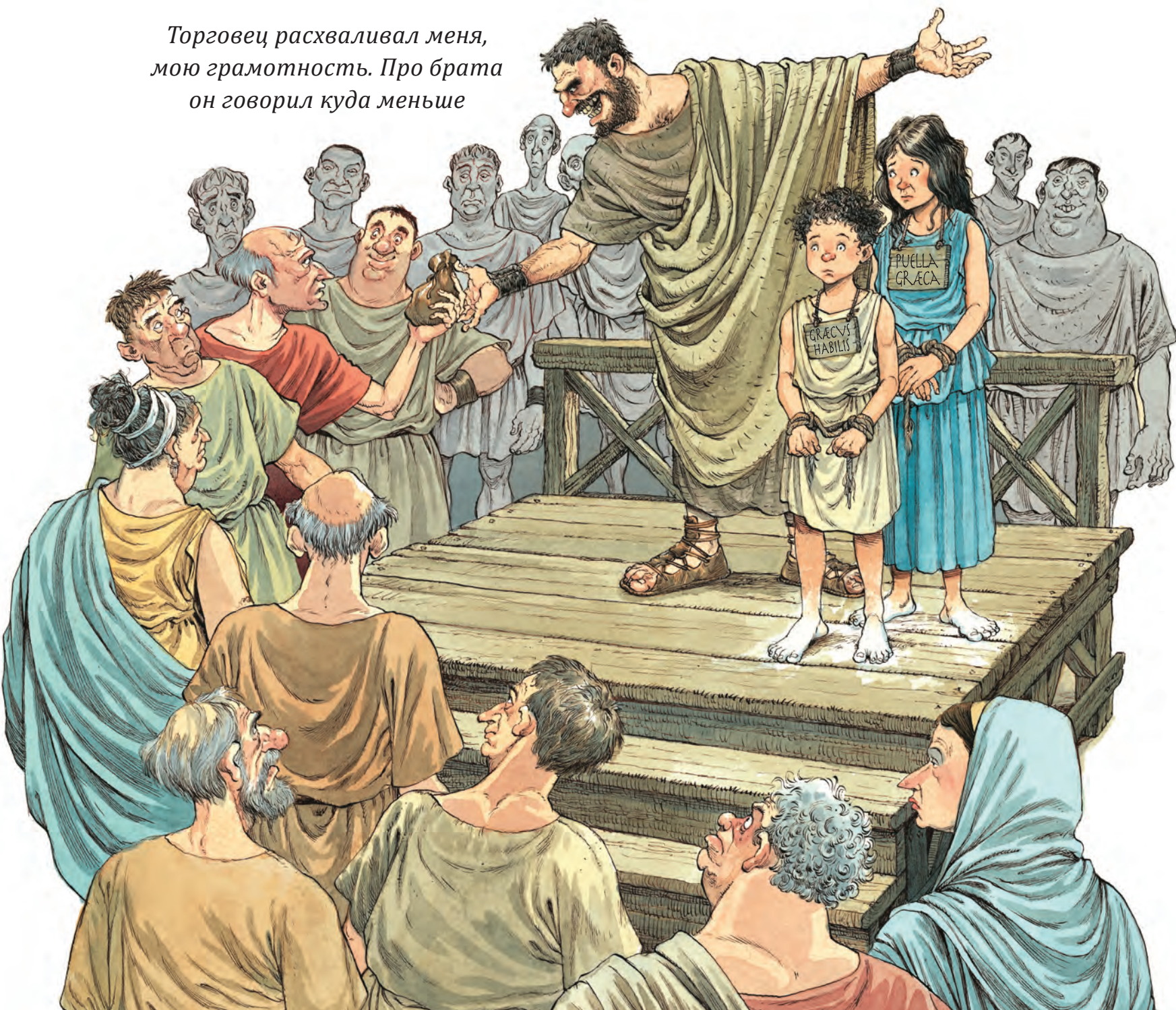
о будущем? Я спросила высокого человека, куда мы направляемся. Он вздрогнул и так удивленно поднял брови, словно с ним заговорила собака.

«Вы принадлежите Гаю Марцию, — ответил он. — Он — сенатор, а я — главный надсмотрщик за его рабами. Ты будешь работать у него в доме». Он схватил Аполлона за правую руку и посмотрел на ладонь. «Судя по рукам, твой братец в жизни не ударил палец о палец. Ничего, на ферме моего господина ему найдут дело».

Он подтолкнул нас в сторону площади. «Пошли! И стряхните мел с ног!»

Торговец расхваливал меня, мою грамотность. Про брата он говорил куда меньше

Я прощаюсь с Аполлоном

День шестой

Мне пришлось расстаться с Аполлоном даже раньше, чем я опасалась. Всю дорогу с аукциона я рыдала не переставая, и надсмотрщик решил, что, пока мы вместе, я не успокоюсь.

Не успели мы подойти к дому, как он втолкнул меня в комнатку у входа и запер дверь. Я колотила в дверь кулаками, но никто не ответил. Я лишь расцарапала руки и посадила несколько заноз. Тогда я забралась на лежанку и решила записать все, что с нами случилось, в дневник, чтобы хоть немного отвлечься.

Я, наверное, уснула, а когда проснулась, дверь была открыта, а в нише в стене горела небольшая лампа, отбрасывая на стены длинные тени. Одна из теней вдруг шевельнулась, и я резко села.

«Не бойся!» — произнесла тень, и я увидела девочку года на два старше меня. Она сказала, что она тоже рабыня и что мне повезло, потому что наш хозяин — добрый и щедрый человек... а его жена не сечет нас хлыстом, «если только мы этого не заслужили», — добавила она. Я спросила, как ее зовут, но вместо ответа она выглянула за дверь и крикнула: «Она проснулась!»

«Я — Цитерия, — девочка снова повернулась ко мне, но тут в комнатку зашла высокая нарядная женщина и выгнала мою новую товарку вон.

«Илиона — так тебя зовут, верно? Знай, что мы рады тебе». Она произнесла это без улыбки.

«Где мой брат? Можно мне к нему?» Женщина взглянула на меня озадаченно,

Мы с Аполлоном горько рыдали, когда нас разлучали

но вышла, и через мгновение в комнату вошел Аполлон.

Я вскочила и обвила его шею руками. Только мы присели, крепко обнявшись, на лежанку, не успели и двух слов сказать, как женщина вернулась. На руках у нее спала примерно годовалая девочка.

Вслед за ней вошел надсмотрщик. Я поняла, что сейчас случится, и умоляла его не забирать Аполлона, но все было напрасно. Он грубо разнял нас.

Увидев мои слезы, женщина присела рядом со мной и положила руку мне на плечи. Я вновь начала всхлипывать, и ребенок проснулся. Я думала, она тоже расплечется, но девочка поймала меня за мизинец и сунула его в рот.

Ее мать, моя новая хозяйка, вновь заговорила со мной, на этот раз уже мягче. Я буду нянькой и воспитателем малышке Лидии, объяснила она. А еще я буду обучать греческому языку ее сводных братьев, Марка и Лукулла.

Она обнимала меня за плечи, в комнате было тепло, а на руках у нее был ребенок. Все это напомнило мне дом, и я почему-то не загрустила еще больше, а успокоилась. Я даже вдруг забыла о своих несчастьях. Неужели я смогу быть счастлива здесь?

*Аполлону развязали руки,
и он смог меня обнять*

Снова в школу

*День III месяца мая,
860 год*

Я воображала, что рабы в Риме постоянно ходят в цепях и колодках. Ничего подобного: меня здесь ничто не держит.

Но куда мне бежать, да и зачем? Я начинаю понимать, что здесь, в Риме, свобода и рабство — не противоположности, как день и ночь или зима и лето. Свободным, но беднейшим римским гражданам живется куда хуже, чем многим рабам. Здесь у меня есть одежда (правда, совсем простая, из грубого льна), в животе никогда не бурчит от голода (хотя еда самая незатейливая), и я могу отдохнуть, когда устану.

*Чего проще — отвлечь привратника
и выскользнуть на улицу*

Мне повезло, что я сплю в той же комнате, что и Цитерия. С ней веселее, и она много рассказывает мне о жизни в Риме. Вчера, например, я узнала про римский календарь. Римляне ведут счет годов от основания Рима. В каждом месяце тридцать дней или около того, и у каждого свое имя. С днями все сложнее, и я пока буду отмечать даты, считая от начала каждого месяца.

День IV

Сегодня началась моя учеба. И, кстати, я впервые со дня продажи вышла на улицу. Я-то думала, что буду учиться дома, как все девочки в Греции. Но нет: я пошла в школу с Марком и Лукуллом. Мы втроем отправились туда под присмотром Цестия.

*Цестий — старый раб,
частично наставник,
частично охранник*

*Мальчишки
дразнили
блхастого пса*

Я очень удивилась, когда увидела, как скромно выглядит школа. В Митилене Аполлон и еще сотня мальчишек учились в роскошном здании. А здесь — крошечный класс, всего несколько табуреток и кресло для учителя. Цестия позабавило мое изумление: «Это одна из лучших школ! Во многих ученики учатся прямо на улице».

На уроках, впрочем, все похоже на школу в Митилене. Мы по большей части пишем на покрытых воском дощечках. Мой стилус похож на букву Т, — плоским концом я разравниваю воск, когда ошибаюсь. Здорово придумано, я считаю, потому что ошибок у меня много.

Мы учились читать и писать с раннего утра до полудня, когда за нами пришел Цестий. Домой мы шли по улице Этрусков. На ней расположены такие необычные лавки!

Я бы нашла эту улицу и с закрытыми глазами. Тут обитают все продавцы благовоний и пряностей Рима!

Здесь полно народу, и Цестий взял меня за руку. «Держи ухо остро! — сказал он. — Тут вору на каждом шагу. Шкуру с тебя сдерут и тебе же продадут, не успеешь оглянуться».

Воров мы не видели, но пришлось прижаться к стене, когда мимо прогромыхала огромная телега, груженная лесом и камнем. Не знаю, как насчет кошельков, но без ног точно могли бы остаться!

Телегу на цельных деревянных колесах тащил хмурый бык

